

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

НАСЛЕДНИК
ГИППОКРАТА

Юрий Григорьевич Корчевский

Наследник Гиппократата

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35738198

Наследник Гиппократата / Юрий Корчевский: Яуза, Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-222-39164-8

Аннотация

Что может быть благороднее спасения жизни и здоровья людей? Никита Зотов пошел в медицину по призванию, а хирургию выбрал потому, что это самая мужская специальность. Работа очень трудная, но интересная – постоянная борьба со смертью во всех ее обликах. Стоя за операционным столом, Зотов иной раз и сам не знал – победит ли он или старуха с косой?

Но не все пациенты умеют быть благодарными... Особенно когда это пьяные «провинциальные царьки». Главврач, молодчина, сумел погасить возникший конфликт, но вынужден убрать молодого хирурга «с глаз долой» – Никита уезжает из родного городка в столицу.

Казалось бы, жизнь дала трещину. Но для наследника Гиппократата всё только начинается!

Содержание

Глава 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Юрий Корчевский

Наследник Гиппократ

© Корчевский Ю. Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Случайное знакомство

Со стороны кажется, работа в медицине лёгкая, не пыльная. А что? В тепле, халат белый, полный соцпакет. Но это на первый, поверхностный взгляд.

Не зря поговорка есть – можно бесконечно долго смотреть, как течёт вода, горит огонь и работает другой. На самом деле работа и трудная, и, зачастую, неблагодарная. А ещё и кровь, и гной и прочие неприятные жидкости с соответствующим запахом, особенно если в стационаре работаешь хирургом. Дежурства ночные, и по праздникам, и выходным, когда тяжёлых привозят после обильных возлияний, да случаи сложные, порой казуистические. А больше всего вызвала досаду нехватка оборудования и лекарств. Нет, Никита не жаловался, сам выбрал профессию, по примеру деда. Взаялся за гуж, не говори, что не дюж.

Время его дежурства подходило к концу, уже полвосьмого. Никита все документы заполнил, проверил. Смену надо сдать без «хвостов». Сколько в Минздраве трубят о сокращении бумажного документооборота, а воз и ныне там. В медицине как? Не записал одно из обследований или назначенных лекарств, значит – не сделал. Иногда и упомнить сложно. Поступает за ночное дежурство несколько пациентов од-

новременно. Осмотрел, после анализов – самых минимально необходимых, в операционную. А уже из приёмного покоя звонок.

– Дежурного хирурга в приёмный покой.

Хоть разорвись. А после операции надо ход операции записать в операционный журнал. «Под местным обезболиванием 0,5 % новокаином произведён разрез...»

И не столько для себя пишут, как для проверяющих. Ох, не зря врачи в восемнадцатом веке назвали историю болезни скорбным листом. Воистину в точку.

Первым в ординаторскую заявился Лёшка Троян, давний приятель и коллега.

– Привет, как дежурство?

– Бывали и хуже. Прободную язву прооперировал, в твоей палате лежит. Состояние удовлетворительное. Ещё один после аппендэктомии у Сергея Владимировича, в четырнадцатой.

Через пару минут сам Сергей Владимирович заявился, заведующий хирургическим отделением. Никита ему смену сдал – прошёлся по историям болезней. У кого из послеоперационных пациентов температура была, кому из-за болей пришлось наркотики назначать, а кто беспокойство вызывает.

– Так я побежал?

– Давай.

Нормальный человек после ночной смены отдыхать дол-

жен, отсыпаться. Но это не про врачей писано. Редко кто на одну ставку работает, обычно на полторы. Поговорка среди медиков есть, в самую точку.

«На одну ставку есть нечего, а на две некогда». Потому работают на полторы.

Благие разговоры чиновников о зарплатах врачей, превышающих среднюю по области, это как средняя температура по больнице.

Никита торопился в медучилище, где подрабатывал. Город у них небольшой, провинциальный, сто тысяч жителей. Центр расстроился многоэтажками, а окраины сплошь одноэтажные, с тихими зелёными улицами, почти село.

Выскочил на главную улицу, руку поднял, голосуя. Кто-нибудь да остановится, копейку сбить. И двух минут не прошло, рядом остановилась выдавшая лучшие дни «девятка».

Никита дверь открыл:

– До медучилища.

– Садитесь.

Опа! За рулем женщина, приблизительно его возраста, тридцатник. Ехала лихо, но по правилам. Гонщиков Никита просто ненавидел тихо. Сколько таких устраивали аварии с пострадавшими, только травматологи да судмедэксперты знают. Ни свои жизни не берегут, ни чужие. Когда подъехали, женщина сказала:

– Полтинник.

Такса стандартная. Для больших городов – просто смеш-

ная, но там и масштаб зарплата другой. Провинция тяжело живёт, можно сказать – выживает. Пока ехали, Никита не делал попыток познакомиться, хоть и не женат был. Едва покинув машину, прямым ходом в туалет, где побриться успел. В портфеле всегда электробритва лежала. Неудобно на занятия небритым приходить, когда в группе тридцать молоденьких девчонок. Сегодня занятия по десмургии, за непонятным названием – наука о перевязках, самая сестринская работа. Попробуй без знаний и навыков грамотно человека перебинтовать, да чтобы повязка не сползла и эффективно работала. Занятия, как всегда, увлечённо проводил. Главная задача учителя не только знания передать, но и увлечь своим делом.

Девчонки глазками постреливали. А Никите смешно. Разница в возрасте десять лет, а то и больше. Он для них почти старик, античность.

Провёл пару, ответил на вопросы, попрощался. В коридоре коллегу встретил, терапевта из больницы.

– Никита Алексеевич, приветствую!

– Аналогично.

– Зайдите в бухгалтерию, зарплату дают.

О! Очень вовремя! Конечно, зашёл, расписался. По пути домой в универсам зашёл, целый пакет провизией набил. Не любил он походы по магазинам, старался реже бывать. Забьёшь холодильник продуктами и неделю можно не посещать. Холостяку много ли надо? Вот и сейчас, придя в свою

однушку, яичницу сделал, кофейку попил. Полчасика по телевизору новости посмотрел. Нелепо, когда в Украине нацисты бал правят, недобитки бандеровские. А потом спать.

Проснулся в три часа дня от звонка в дверь. Кого ещё принесло? Непрошенный гость хуже татарина. Хотя к татарам Никита относился нормально, однако из пословицы слов не выкинешь. Встал, дверь открыл, на пороге председатель дома.

– Здравствуйте, Никита Алексеевич! У нас собрание жильцов было, на котором Вы не присутствовали.

– Мне что, с работы уходить надо было?

– Подпись поставить надо, что Вы не против детской площадки.

– Дети, это святое!

Никита взял протянутую ручку, поставил подпись. Домком, которого жильцы прозвали «Швондером», как в небезызвестном фильме, попросил:

– Никита Алексеевич, мама прихварывает. Посмотрели бы Вы её.

– Срочно?

– Нет.

– Тогда завтра в больницу, часам к двум.

– Будем.

Никита дверь прикрыл. Поликлиника есть, не его дело. Но отказать неудобно, всё же соседи по дому. Включил телевизор, посмотрел новости, обстрелы в Сирии, криминал.

Можно подумать, в России хороших новостей нет, бандиту Шакро молодому журналисты столько времени уделяют. После сериал про американских врачей пошёл. Сериалы, особенно заморские, Никита не любил. Когда медсестра закричала «Доктор, мы его теряем!», выключил телевизор. Может, в Америке так принято, но не у нас. Взялся за книгу. Для кого-то тёмный лес, а ему интересно. Об эндоскопической хирургии. В больших городах метод освоили, не новость. Но аппаратура дорогая, завотделением все связи подключил, спонсоров нашёл, а купил. Теперь осваивать надо. Пациенту хорошо – без разрезов, малокровная, неделя и дома. Обращиваемость больничной койки растёт, показатели хирургической активности выше. Одни плюсы. Но ехать на обучение придётся. Так и скоротал вечер. Плохо одному, надо семьёй обзаводиться. Но с женщинами отношения не складывались. Были знакомства, не без этого. Не урод, специальность хорошая. Но то ли выбирать не умел, то ли попадались такие. Одну, кроме его денег, ничего не интересовало, но понял он не сразу. А другая элементарно наставила рога, нашла богатенького «папика» и к нему ушла. Не без недостатков Никита, идеальных людей не бывает в природе, но в отношениях честен был, а получил печальный, но полезный опыт.

Утром вскочил по будильнику, себя в порядок привёл, позавтракал на скорую руку и на работу. Благо больница в двух кварталах была. Пешком, вместо физзарядки. И снова круговерть. Чем медицина нравилась, так это разнообразием. Ни-

кита не представлял, как люди на конвейере работают. Каждую смену, неделю за неделей, год за годом одну и ту же операцию выполняют. А пациенты, даже с одним и тем же заболеванием, совершенно разные. Болезни протекают своеобразно и характеры людские – двух одинаковых не найдёшь. День спокойный выдался. Одна плановая операция – грыжесечение, несколько перевязок. Уже уходить собрался, как медсестра вошла.

– Дедушка из двенадцатой палаты умер.

– Это кто? Митрейкин?

– Он.

Старику семьдесят два, хроник, болезней куча.

– Знаешь, что делать?

– Знаю.

Порядок определённый. Все, кто в стационаре умер, – на вскрытие.

– Я родственникам сообщу.

Обязанность неприятная. В истории болезни на такой случай телефоны и адрес ближайших родственников есть. Дозвонился, сообщил. На другом конце провода печальную новость приняли спокойно, так редко бывает. Медсестру спросил.

– Вещи у деда остались?

– Только тетрадка, его родственники не посещали.

Плохо. Родителей дети обихаживать должны, досматривать, святая обязанность. Но часто приходилось сталкиваться

ся с тем, что родня, определив престарелых отца или мать в больницу, забывали о них.

– Неси. Вдруг там документы или важное что.

Медсестричка принесла. Тетрадь общая, замусолена. Никита тетрадь на край стола отодвинул, надо документацию заполнять. Вспомнил о ней перед уходом. Поколебавшись, в портфель опустил. Дома, в спокойной обстановке посмотрит. Пообедал, разогрев в СВЧ печи пиццу, некрепкий кофе. Новости посмотрел за обедом. О тетради вспомнил. Начал листать. На каждой странице стихи. Провинциальных рифмоплётов на дух не переносил. Кого из поэтов любил, так это Лермонтова и Есенина. Начал на одной, случайно открытой странице, читать и оторваться не мог.

Входя будить меня с утра,
Кого ты видишь, медсестра?
Старик капризный, по привычке
Ещё живущий кое-как.
Полуслепой, полудурак,
«Живущий» в пору взять в кавычки.
Не слышит – надрываться надо.
Изводит попусту харчи.
Бубнит всё время, нет с ним сладу,
Ну, сколько можно? Замолчи!
Тарелку на пол опрокинул,
Где тапки, где носок второй?
Последний, мать твою, герой.
Слезай с кровати, чтоб ты сгинул!

Сестра, взгляни в мои глаза!
Сумей увидеть то, что за...
За этой немощью и болью,
За жизнью прожитой, большой,
За пиджаком, побитым молью,
За кожей дряблой, за душой,
За гранью нынешнего дня
Попробуй разглядеть меня...
...Я мальчик, непоседа милый,
Весёлый, озорной слегка.
Мне страшно, мне пять лет от силы,
А карусель так высока!
Но вот отец и мама рядом,
Я в них впиваюсь цепким взглядом,
Хоть страх мой и неистребим,
Я точно знаю, что любим!
Вот мне шестнадцать, я горю.
Душою в облаках парю,
Мечтаю, радуюсь, грущу.
Я молод, я любовь ищу.
И вот он, мой счастливый миг!
Мне двадцать восемь, я жених!
Иду с любовью к алтарю.
И вновь горю, горю, горю.
Мне тридцать пять, растёт семья,
У нас уже есть сыновья,
Свой дом, хозяйство и жена
Мне дочь вот-вот родить должна.
А жизнь летит, летит вперёд!

Мне сорок пять, круговорот.
И дети не по дням растут,
Игрушки, школа, институт.
Всё! Упорхнули из гнезда.
И разлетелись, кто куда.
Замедлен бег небесных тел.
Наш дом уютный опустел.
Но мы с любимой вдвоём
Ложимся вместе и встаём.
Она грустить мне не даёт,
А жизнь опять летит вперёд.
Теперь уже мне шестьдесят,
Вновь дети в доме голоса,
Внучат весёлый хоровод,
О! Как мы счастливы! Но вот...
Померк внезапно солнца свет,
Моей любимой больше нет.
У счастья тоже есть предел,
Я за неделю поседел...
Осунулся, душой поник,
И ощутил, что я старик.
Теперь живу я без затей
Для внуков только и детей.
Мой мир со мной, но с каждым днём
Все меньше, меньше света в нём.
Крест старости взвалив на плечи
Бреду устало, в никуда.
Покрылось сердце коркой льда,
И время боль мою не лечит.

О, Господи, как жизнь длинна,
Когда не радуется она.
Но с этим следует мириться,
Ничто не вечно под луной.
А ты, склонившись надо мной,
Открой глаза свои, сестрица.
Я не старик капризный, нет!
Любимый муж, отец и дед.
И мальчик маленький, доселе
В сиянии солнечного дня
Летающий вдаль на карусели.
Попробуй разглядеть меня,
И, может, обо мне скорбя,
Найдешь себя!

Короткое стихотворение, немного корявое но, сколько в нём чувства, искренности. Сильно, пронзительно. Некоторое время Никита сидел отрешённый. Он помнил этого пациента. Как жаль, что он ушёл из жизни. Не разглядел в нём Никита мятущуюся душу, не присел на кровать, не поговорил. Всё бежим куда-то, торопимся, а проходим мимо чего-то важного. Молодые ныне все в сетях сидят, с гаджетами не расстаются, а жизнь стороной проходит. Соцсети – жизнь иллюзорная, общение с живым человеком не заменит. Нет, Никита не консерватор замшелый. И смартфоном пользуется, и ноутбук мощный есть. Но включает его только для дела, какие-то новинки из мира медицины узнать.

Что скрывать, расстроил его дед, вернее – его тетрадь.

Утром на работу, всё планово шло, потом в медучилище, оттуда домой. Пообедал, отдохнул пару часов и на ночное дежурство. В хирургическом стационаре три ординатора и заведующий, дежурить приходится часто, нагрузки большие. Часов до трёх ночи дежурство спокойно протекало, но было чувство – все пакости ещё впереди. И точно, интуиция не подвела. Из ночного клуба сразу трое поступили после пьяной драки. У одного рука сломана, этого в травматологию отправили, этажом ниже. А рваные раны пришлось зашивать ему. Пьяному море по колено, куражатся, матом кроют, всё отделение разбудили. После ПХО – первичной хирургической обработки – пришлось госпитализировать. Надо пару дней понаблюдать – не начнут ли раны гноиться? Хуже всего, оба пострадавших между собой сначала скандал, потом драку затеяли.

Приехал наряд полиции, да не по вызову, а по факту драки и нанесения телесных повреждений. Драчуны сразу присмireли.

Утром Никита готовился сдать смену, как затрезвонил телефон. Неужели опять приёмный покой? Оказалось – Лёшка Троян, приятель и коллега.

– Никита, привет! Как дежурство?

– Ты уже через полчаса должен быть на работе, узнаёшь. Двух драчунов к тебе в палату определил.

– Да господь с ними. Мне до двенадцати отлучиться надо. Звонил за отделением, он не против, если ты подменишь.

– Лады, договорились, но в двенадцать будь, выспаться хочу.

– Буду, как штык!

Не зря говорят, хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Голова после ночи тяжёлая. Но умылся, побрился, а тут и заведующий отделением появился. Никита о смене доложил.

– Тебе Троян звонил?

– Мы договорились.

– Тогда иди на обход, свои палаты и его.

Никита обход сделал, истории болезней оформил записями. За обыденной работой время летело быстро. Уже одиннадцать. Завотделением на плановой операции. И снова зазвонил телефон.

– Приёмный покой беспокоит. Хирурга надо.

– Буду.

Никита по лестнице бегом, вместо физзарядки. Вот от чего бы он не отказался, так это от кофе, но это уже дома. В приёмном отделении пациентка на кушетке, стонет. Осмотрел её Никита, предварительно жалобы выслушав. Надо оперировать, причём срочно. У пациентки парапроктит. Для несведущих – гнойное воспаление вокруг прямой кишки. Промедлишь – гной расплавит кишки, с последующим перитонитом. Выкарабкаться сложно будет.

– Госпитализируем, оформляйте документы, я пока скажу готовить операционную.

– Доктор, не могу я лечь. Мне бы таблетки какие или уколы.

Никита присмотрелся. Вроде лицо знакомое, а где видел – вспомнить не может. Ему по работе приходится контактировать со множеством людей, всех не упомнишь.

– Милочка! Если не прооперировать, причём срочно, кончится плохо, ситуация серьёзная.

– Не могу я! У меня ребёнок – второклассник.

– Позвоните близкой подруге. В конце концов, отцу.

– Разведёнка я и подруг нет.

Вот же ситуация!

– Если операции не избежать, сколько я в больнице про-
буду?

– Если повезёт – неделю, дней десять.

– О!

По щекам женщины слёзы покатались. И вдруг Никита вспомнил. Это же эта женщина его после дежурства подвозила на «девятке» к медучилищу. Операцию отложить нельзя, и ребёнок один неделю без присмотра – невозможно. Никита решился.

– Он у вас в школу ходит?

– Во второй класс, самостоятельный.

– Хорошо, давайте адрес и как звать сорванца?

– Андрей. А что это меняет?

– Я за ним присмотрю.

– Вы? А впрочем, выбора у меня нет.

– Тогда оперируем.

По сито были сделаны анализы, больше для того, чтобы подтвердить диагноз. Пациентку подняли на лифте. Пока сёстры её готовили, пришёл анестезиолог, хохмач и балагур Винницкий Володя.

– Привет, что у тебя?

– Парапроктит острый.

– Анекдот по специальности. – Приходит старый одессит в больницу навестить родственника, даёт наставления: Дашь десять баксов медсестре, пятьдесят – хирургу и сто – анестезиологу. – Сто за то, чтобы заснуть? – удивился молодой. – Чтобы заснуть – десять, а девяносто за то, чтобы проснуться.

Посмеялись. Володя ушёл опрашивать пациентку – не было ли аллергии на лекарства, да не стоят ли съёмные зубные протезы, какое артериальное давление и массу других вопросов. Никита направился в предоперационную, мыть руки. Процедура не быстрая, но всё же лучше, чем обработка рук ещё десять-пятнадцать лет назад. И операционное бельё одноразовое. Прежнее, из х/б, попробуй отстирай от крови, а после стерилизации в боксах оно вообще жёлтое.

Хорошая операционная бригада – половина успеха. Даже от толковой операционной медсестры или санитарки зависит многое. Перед операцией считается всё – инструменты, тупферы, марлевые тампоны. После операции, пока хирург брюшную или иную полость не зашил, считают использованные и неиспользованные инструменты. Число до и по-

сле должно сойтись. Сколько случаев бывало, когда забывали инструмент или марлевый тампон в животе? Это человеку непосвящённому кажется странным и глупым, как можно не увидеть в брюхе, скажем, тампон. Да запросто. Он кровью пропитался, среди перистальтирующих кишок не заметен, замаскировался. И только подсчёт заставит искать потерю.

Операция получилась удачной, но не быстрой. Никита руки поднял, согнутые в локтях.

– Считай.

Санитарка и операционная медсестра начали счёт инструментов, тампонов.

– Сошлось.

– Ушиваем и выходим.

Выходим – это не из операционной, а из полости. Поставил дренаж.

– Всем спасибо. Володя, как?

– Вывожу, давление, пульс, дыхание – в норме.

Вывожу – это из наркоза, когда снижают, а потом вовсе прекращают подачу анестетика. Никита вышел в предоперационную, сбросил испачканную одежду, перчатки, вымыл руки.

Теперь в ординаторскую, заполнять историю болезни. При определённом опыте это быстро. Зашёл анестезиолог.

– Вышла, на вопросы адекватно отвечает, но тормозит.

Так бывает у всех. Хорошо, если не тошнит. У многих со-

стояние, как с глубокого похмелья – болит и кружится голова, тошнота.

– Всё, устал.

В ординаторскую вошёл Лёша Троян.

– А вот и я!

– Шеф ещё оперирует и у меня пациентка только с операционного стола. Присмотри.

– Иди уже, видок у тебя ещё тот.

– Вымотался.

И не домой к себе надо идти, а к мальчугану Андрею. Судя по адресу – не так далеко. Немного волновался, опыта общения с детьми у Никиты не было. А тут ещё и совсем незнакомый мальчишка. Судя по времени, Андрей должен вернуться из школы. Нашёл дом – хрущёвскую пятиэтажку, поднялся на этаж, позвонил. Из-за двери раздался детский голос.

– Кто там?

– Меня Никитой звать, мама тебе звонила?

Несколько секунд тишины, потом щёлкнул замок, дверь приоткрылась.

– Мама запретила незнакомым открывать.

– Она в больнице, заболела. Несколько дней за тобой буду присматривать я. Можно войти?

– Входите.

Никита вошёл, снял туфли, прошёл в комнату. Стандартная двушка, чисто, по-женски уютно, но очень скромно. До-

статком тут не пахнет.

– Давай знакомиться, – протянул руку Никита. – Ты Андрей, а я Никита, врач.

– А мама долго болеть будет?

Мальчуган руку пожал.

– Дней десять.

– Сходить к ней можно?

– Только не сегодня и не завтра. Ты ел?

– Чай пил.

– Угостишь?

– Проходите на кухню.

Пока грелся чайник, Никита заглянул в холодильник. Да он почти пустой! Сел на табуретку, задумался. Что-то приготовить надо, а что дети в его возрасте едят? А ещё утром в школу собирать. Если на два дома жить, со временем совсем туго будет. Остаться здесь на время, пока Вероника, мама Андрея, выпишется или пацана на свою квартиру забрать? У каждого варианта свои плюсы и минусы. На сегодня решил остаться здесь. Только в магазин сходить надо, харчей купить.

– Андрей, в доме второй комплект ключей есть?

– Мама никому давать не велит.

– Мне можно, мы теперь какое-то время вместе жить будем.

Мальчик принёс связку ключей.

– Вот что, я в магазин сбегая, за продуктами.

– А Вы вернётесь?

– Обязательно. А впрочем, пойдём вместе?

Долго ли собираться? Лето, верхней одежды не надо, только обуться. До сетевого супермаркета квартал. На середине пути Андрей рукой в сторону показал.

– Там моя школа.

– Ты в каком классе?

– Во втором.

– Учишься хорошо?

– Без троек, хорошист.

– Это правильно, маму огорчать не надо.

В магазине Никита набрал полную тележку по своей привычке. Лучше сделать запас на неделю, чем каждый день ходить. Взял сосисок, рыбных консервов, мюсли, молока, макароны, несколько упаковок разных каш быстрого приготовления, хлеба, печенья. Увидел, как внимательно смотрит мальчуган на стеллаж с конфетами.

– Выбирай, – кивнул Никита.

Андрей выбирал долго. Читал названия, разглядывал обёртки. Гурман? Только не в его возрасте. Скорее – не баловала мама сладостями. Наконец выбрал пакетик, показал Никите.

– А денег хватит?

– Хватит, – кивнул Никита.

Мальчонка конфеты к кассе сам нёс, в тележку не положил. Пакет тяжёлый получился. В квартире Никита готовить

принялся. Макароны сварил, итальянские, какие сам любил. К ним сосиски. Чайник вскипел. То ли обед поздний получился, то ли ранний ужин. После еды Андрей посуду мыть принялся, причём делал ловко.

– Я маме тоже всегда помогаю.

– Молодец.

После еды Никита поинтересовался:

– Ты уроки делал?

– Не успел.

– Так, после еды отдых полчаса, потом уроки. Идёт?

– А куда денешься? – по-взрослому вздохнул мальчик. –

Мне конфету можно?

– Поел, аппетит не испортишь, можно.

Никита телевизор включил. Новости он смотрел всегда, в привычку вошло. А больше ничего. Фильмов хороших мало, а на плохие времени жалко. Андрей рядом на диван уселся.

– У нас завтра физкультура.

– И что из этого следует?

– Футболка белая нужна, а она грязная.

Так, похоже – стирать придётся. Нашли футболку в корзине для грязного белья, в шкафчике – стиральный порошок. Замочил в тазу с тёплой водой. Дома у него стиральная машина, а у Вероники стиралки нет.

– Андрей, у вас стиральной машины нет?

– Была, когда с папой жили.

Никита тему развивать не стал. Ещё в приемном покое

женщина говорила, что разведена. Может, для Андрея это большая тема. Его, Никиты, дело – дотянуть без приключений до выписки Вероники. Выстирал, выжал, встряхнул – не привыкать холостяку бытовыми проблемами заниматься. Повесил сушить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.